

ГЕРМЕНЕВТИКА

Конспект

Брэд Классен

**Программа «В помощь проповеднику»
www.propovedi.ru**

весна 2012

ВВЕДЕНИЕ: Ключевые термины и определения

Приступая к изучению принципов и процесса толкования Библии, необходимо сразу назвать важные термины, которые будут использоваться в этом изучении, и дать их определения. Неуместное использование или неверное понимание терминов неизбежно приведет в дальнейшем изучении к путанице и непониманию. Фактически, предмет герменевтики стал таким сложным в основном из-за постоянно меняющихся определений, которые дают ключевым терминам современные толкователи. Поэтому с самого начала в герменевтике следует уделить внимание формулировке ясных и объективных определений.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ
Герменевтика
Смысл
Толкование
Экзегетика
Применение
Экспозиция

I. «Герменевтика»

Слово «герменевтика» происходит от греческого *hermēneia* (ἑρμηνεία), что означает «перевод», или «толкование» (ср. 1 Кор. 12:10; 14:26).

В Деяниях 14:12 описано, как жители Листры приняли апостола Павла за греческого бога *Гермеса* (Ερμῆς того же корня, что и *hermēneia*), а Варнаву – за Зевса, потому что апостол Павел «начальствовал в слове». В греческой мифологии Гермес был вестником Зевса и, таким образом, его «толкователем», или «переводчиком».

Со временем это греческое слово стало использоваться в узком смысле, обозначая **принципы, или правила толкования**, применяемые при изучении текста. Эти принципы можно сравнить с *инструментами*, которые использует рудокоп, чтобы отыскать скрытое сокровище.

Прежде чем приступить к толкованию библейскому тексту, очень важно решить, какую *герменевтику (принципы)* при этом нужно использовать. Есть много вариантов, хотя часто забывают, как сильно выбор принципов может повлиять на результат. В действительности, главная причина того, что у некоторого библейского текста так много разных толкований, заключается *не* в наличии проблем в самом тексте, как будто Божьему Слову присущ недостаток ясности. Бог *способен* открыть Себя и Свою волю ясно на понятном человеку языке. Но это обычно связано с тем, что толкователи подходят к тексту с *разными* принципами толкования. А применение разных принципов неизбежно приводит к разным результатам даже при толковании одно и того же текста.

А. Необходимость в герменевтике

«Но мне не нужна герменевтика!»

Такой ответ часто можно услышать от тех, кто никогда всерьез не задумывался о процессе толкования. Герменевтика просто необходима всем людям, не имеющим богодухновенности. Поскольку мы не *всеведущи* (не обладаем совершенным знанием об авторе текста и его замысле) и поскольку при чтении текста нас не направляет прямое Божье вдохновение (мы не обладаем божественной точностью и авторитетом без какого-либо процесса толкования), то мы должны полагаться на принципы, которые направят нас и помогут нам прийти к верному пониманию смысла текста. Кроме того, помощь, которую Святой Дух оказывает верующим в изучении Писания – служение духовного *просвещения* – не *отрицает* необходимость в герменевтике, а скорее, подтверждает ее.

Фактически, всякий, кто заявляет, что *не* пользуется принципами толкования, просто не понимает, что он делает каждый день, когда получает какую-либо информацию (читает газету, слушает радио, говорит с мужем или женой, читает дорожные указатели и т.д.). Всегда, когда мы получаем информацию или общаемся, *мы толкуем!* Иногда это получается очень легко и успешно, а иногда очень трудно и неудачно. В конечном счете, любая форма общения не может быть успешной без герменевтики.

Бернард Рамм (*Protestant Biblical Interpretation*, с. 4) пишет:

Люди одного возраста и сходной культуры, происходящие из одного географического региона, обычно понимают друг друга без особых затруднений. Принципы понимания смысла сказанного складываются ещё в раннем детстве и связаны с формированием речи, так что к зрелому возрасту они становятся настолько естественными, что человек о них даже не задумывается. Но в тех случаях, когда толкователь отделен от автора текста культурными, историческими и географическими отличиями, его задача становится очень и очень непростой. И чем больше отличия, тем сложнее задача толкователя. Читая Библию, мы берем в руки книгу, во многом отличную от привычной нам культуры.

Следовательно, для успешного изучения Библии нам необходима герменевтика, потому что от ее авторов и их мира нас отделяют несколько существенных барьеров.

- 1. Языковой барьер.** Язык, на котором писали библейские авторы – а именно использованные ими слова и грамматика, – самая очевидная трудность, с которой сталкивается любой толкователь. Попробуйте прочитать следующее утверждение:

כִּי עֲזָרָא הִכְיִן לְבָבוֹ לְדַרְוֵי אֶת-תּוֹרַת יְהוָה וְלַעֲשׂוֹת וּלְלַמֵּד בְּיִשְׂרָאֵל תּוֹק וּמִשְׁפָּט:

Или прочитайте это:

οὕτως γὰρ ἠγάπησεν ὁ θεὸς τὸν κόσμον, ὥστε τὸν υἱὸν τὸν μονογενῆ ἔδωκεν, ἵνα πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται ἀλλ' ἔχη ζωὴν αἰώνιον.

Первый пример – это еврейский текст Ездры 7:10; а второй – греческий текст Иоанна 3:16. В той степени, в какой эти языки отличаются от того, на котором мы ежедневно общаемся, наше недостаточное знание создает препятствие для правильного понимания. Таким образом, мы оказываемся в долгу перед переводчиками Библии, которые, изучив оригинальные библейские языки и обретя навыки правильного понимания текста, преодолели языковой барьер и сделали библейский текст доступным для нас на родном языке. Но даже переводы Библии не могут полностью устранить этот барьер. Для более точного понимания смысла библейского текста нам все же потребуется обратиться к оригинальному языку текста.

Основная проблема языкового барьера заключается в словах, которые использует автор (его *лексика*), и способе, которым он грамматически соединяет их (его *синтаксис*). Языковой барьер также включает в себя и *тип* литературы, к которому относится его произведение, что называется *литературным жанром*. Жанр также может быть препятствием для толкователя, если он не знаком с его особенностями. Некоторые, например, не понимают смысла притчей в Писании, потому что не знают литературных особенностей *жанра* еврейской притчи.

Языковой барьер
Слова (<i>лексика</i>)
Грамматика (<i>синтаксис</i>)
Идиомы/образные выражения (<i>жанр</i>)

- 2. Культурный барьер.** Бог открыл нам Себя не через культуру и обычаи ангелов, а через культуру и обычаи людей. Это свидетельствует о Божьем могуществе – Его способности использовать людей и их культуру, чтобы осуществить Свой искупительный план и открыть Свою волю совершенным образом, как Он хочет. Даже несовершенные поступки падших людей не могли затмить Его способности передать нам Свою волю беспрепятственно и совершенно.

Поскольку Бог открыл Себя именно таким образом, то верное понимание Его воли, очевидно, должно быть связано с достаточно правильным пониманием культуры и образа жизни, описанных в Ветхом и Новом Заветах. Пренебрежение этой составляющей контекста Писания обязательно приведет к ошибкам в толковании. В то же самое время, сам факт, что Бог решил открыть Себя в рамках человеческой культуры, предполагает, что открытое Им будет для нас намного доступнее и намного понятнее.

И все-таки трудности существуют. Чем больше наша культура отличается от культуры и обычаев, описанных в Ветхом и Новом Заветах, тем труднее нам

будет понять откровение, данное Богом в рамках той культуры. И если толкователям из ближневосточных стран легче ориентироваться во многих описанных в Библии обычаях (овцеводство, жизнь в пустыне, уход за оливковой рощей), то живущим в других частях мира – например, выросшим в городской среде – делать это намного труднее.

Пример: Толкователи, выросшие в городской культуре, могут истолковать притчу Иисуса о сеятеле в Матфея 13:1-9 так, что только *одна тип почвы* – плохая почва у дороги – не позволит семени проникнуть в землю и прорасти. Но толкователи, знакомые с земледелием, хорошо знают, что для сеятеля в конечном итоге важно не то, что посаженное семя дало всходы и растет, но что оно *приносит плод*. Только та почва, которая приносит плод, считается желанной и «доброй», хотя размер урожая может быть разным (ср. Матф. 13:23).

- 3. Географический барьер.** Библейская география – это сцена, на которой происходят события, составляющие особый Божий искупительный план. И снова важно заметить, что Бог открыл Себя и Свою волю к человеку не в какой-то неизвестной мистической сфере, а *на земле* и в *определенных географических районах*.

Чем меньше толкователь знаком с этими местами – а также с *флорой* (лат. «растительность») и *фауной* (лат. «животные») конкретного региона – тем больше ему придется изучать их географию, если он хочет добиться точного понимания значения текста. Иероним писал:

Как видевшие Афины лучше понимают греческую историю, и как видевшие Трою понимают слова поэта Вергилия, точно так же видевший своими глазами землю Иудеи и узнавший о древних городах, местах и их названиях, будет яснее понимать Священное Писание (Цит. по Barry Beitzel, *The Moody Atlas of Bible Lands* [Moody Press, 1985], xv.)

Затем Бейтцель говорит: «Важно и полезно осознавать, что Бог приготовил *конкретную землю*, расположенную в *определенной точке*, предназначенную для того, чтобы вызвать *особенный и соответствующий отклик*» (цит. по *Moody Atlas of Bible Lands*, xv).

Пример: Пример важности знания географии (и культуры) можно увидеть в путешествии Иисуса через Самарию, описанном в Иоанна 4:1-43. Не имея представления о местоположении Самарии по отношению к Иудее и Галилее и о том, что обычно путники обходили стороной Самарию, читатель не поймет всю значимость того, что Иисус проходил через Самарию и совершал там служение. В Иоанна 4:4 говорится, что Иисусу *надлежало* проходить через Самарию» (курсив добавлен) по пути из Иудеи в Галилею, хотя иудеи любой ценой избегали проходить через Самарию и оставаться там и вместо этого выбирали более длинный путь по восточному берегу реки Иордан. Так зачем же это было нужно? Может, Иисус

спешил? Конечно, нет. Позже Иоанн говорит, что Иисус пробыл в Самарии еще два дня (4:40, 43). Но рассматривая это повествование в свете географических и культурных факторов, мы более ярко видим сострадание Иисуса к самарянам и Его желание их спасения (4:39-42)!

В конечном итоге, изучение географии не будет для нас бесполезным занятием. Как зывали серафимы, «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! *Вся земля* полна славы Его!» (Ис. 6:3).

- 4. Исторический барьер.** Ветхозаветные и новозаветные времена отстоят от современного толкователя на многие столетия. И даже при сносном знакомстве с оригинальными языками, обычаями, традициями и географией Писаний, трудно преодолеть огромную *историческую* пропасть. Каждый добросовестный толкователь должен осознанно отложить свои современные предубеждения и мысленно возвратиться в историческую обстановку эпохи библейских авторов. И хотя толкователю предстоит вернуться обратно в обстановку своего времени, чтобы найти *применение* Писания, все же его опорной точкой при толковании должен быть не его мир, а мир библейского автора.

Четыре основных «барьера», которые должен преодолеть толкователь			
Язык	Культура	География	История

Цель герменевтики – *принципов*, или *правил* толкования – вложить в руки толкователя Библии все необходимые инструменты, чтобы преодолеть эти «барьеры» и выяснить истинное значение библейского текста, вложенное в него автором. Эти принципы определяют *границы*, в рамках которых толкователь должен изучать текст. Они помогают ему придерживаться в толковании *объективности*, защищая его от привнесения в текст своего мнения.

Осознает ли это толкователь или нет, но принципы, или правила, которые он выбирает для выяснения значения текста, неизбежно окажут огромное влияние на конечный результат толкования!

В. Категории герменевтики

Принципы толкования подразделяются на две категории: *общие* и *частные*.

- 1. Общая герменевтика:** Эта категория включает в себя фундаментальные принципы толкования, применимые к *любым частям* Библии – как к Новому, так и к Ветхому Завету – и к *любым литературным жанрам*: притчам, пророчествам, посланиям, историческим повествованиям и др.
- 2. Частная герменевтика:** К этой категории относятся специальные принципы, применимые при толковании определенных библейских жанров

(поэзии, притчей, пророчеств, повествований и т.п.), а также различных фигур речи.

Важно заметить, что *частные* принципы не противоречат принципам *общей* герменевтики, а дополняют и усиливают их при изучении книг определенного литературного жанра. Например, такой общий герменевтический принцип как *авторский замысел* (намерение автора, определяющее смысл текста) не отменяется только потому, что толкователь переходит от изучения одного жанра к другому (например, от повествования к поэзии). Или такой общий герменевтический принцип как *буквальное толкование* (противоположный аллегорическому подходу) не отменяется, если толкователь в изучении переходит от Послания к римлянам к Книге откровение.

Некоторые (например, Ванхузер в *Is There Meaning in This Text?*, 4) применили это разграничение герменевтики на общую и частную также и к различию между чтением литературы вообще и чтением Библии. Ванхузер пишет: «Толкование Библии – частный случай (отсюда и происходит термин ‘частная герменевтика’), не в последнюю очередь благодаря тому, что Бог уникальным образом участвовал в процессе ее составления, канонизации и толкования». Другими словами, существуют общие принципы толкования, применимые к любой литературе, включая и Библию. Это и есть «общая герменевтика». Но существуют и частные принципы, применимые исключительно при чтении Божьего Слова, и поэтому они называются «частной герменевтикой». Ванхузер (4) продолжает:

Следовательно, существует как схожесть, так и различие между толкованием Библии и толкованием других текстов... Между чтением Писания и чтением книг вообще есть что-то общее, но различий здесь все же больше ввиду того, что Писание – это Божье Слово. Другими словами, Библия *похожа* на остальные книги тем, что у нее тоже есть авторы, но *отличается* Библия от остальных книг тем, что ее главный автор – Бог.

Обсуждение:

С. Метод герменевтики

Возникает вопрос: «Кто определяет эти принципы? Поскольку в Библии нет такой главы, в которой приводился бы список этих принципов, то откуда мы знаем, какие принципы следует применять, а какие нужно отвергнуть?»

Более подробное объяснение этого вопроса приводится ниже. Но уже сейчас можно утверждать, что при толковании Библии мы должны применять те принципы, которые *наиболее согласуются с природой самого Писания и с природой читателя*. Другими словами, библейскую герменевтику должны составлять принципы библейского толкования, сформированные на основании библейской *библиологии* (учения о Писании) и библейской *антропологии* (учения о человеке).

D. Что такое «новая» герменевтика?

Термин «герменевтика» все чаще употребляется не в смысле набора определенных принципов, а для обозначения определенного подхода, такого как, например, герменевтика *феминизма*, герменевтика *читательского отклика* и даже герменевтика *гомосексуализма*. Пожалуй, герменевтика, которую наиболее часто сейчас обсуждают – и она составляет суть нового, постмодернистского, направления в толковании Библии – это *новая* герменевтика. Что же это такое?

Хорошее описание этого дает Д. Карсон в статье «Hermeneutics: A Brief Assessment of Some Recent Trends» (*Themelios* 5 [1980]: 12–20):

Как обычно излагают новую герменевтику, и толкователь, и *сам текст* погружен в пучину исторической относительности. Толкуя текст, толкователь обнаруживает, что текст толкует его... Таким образом, получившийся «герменевтический круг» не обязательно имеет завершение: цель – это не объективное значение текста, поскольку считается, что текст обладает не большей «объективностью», чем толкователь. Цель – это момент столкновения между текстом и толкователем, во время которого *происходит* или *имеет место* «смысл»: то есть, при этом столкновении толкователь слышит какое-то обращение к своей личности и отвечает на него. Очевидно, это может быть разным для разных людей, или разным для того же человека в разное время, или разным для разных поколений толкователей Писания. (14-15)

Таким образом, термину «герменевтика» в недавнем прошлом дали новое значение, описывающее *не* процесс поиска толкователем значения текста, а скорее *опыт* толкователя, в котором он входит в контакт с текстом. Вследствие влияния «новой герменевтики» намного снизился интерес к точному пониманию текста, и стал намного сильнее делаться акцент на более глубокое и творческое ощущение текста. Карсон ("Hermeneutics: A Brief Assessment," 15) утверждает:

Следует ясно понять, что термин «герменевтика»... претерпевает сейчас значительный семантический сдвиг. Теперь нас больше не интересуют принципы, с помощью которых толкователь старается понять значение текста в его оригинальном контексте. Скорее, герменевтика становится дисциплиной, с помощью которой мы исследуем, как мысль или событие в одном культурном и религиозном контексте становится понятным в другом культурном и религиозном контексте... Отсюда вытекает, что новая герменевтика стремится выяснить, «что есть истина для меня», вместо «что есть истина». Таким образом, собственно богословие становится невозможным.

II. «Смысл»

A. Цель толкования – *смысл*

Обнаружение смысла библейского текста – цель толкования. Изучая Священное Писание, человек применяет герменевтические принципы в процессе экзегезы (определение «экзегетики» см. ниже), чтобы найти *смысл* текста.

В. Основание смысла – авторский замысел

Что же такое «смысл»? Смысл – это то, что хотел сказать автор данными словами и их грамматической связью. Иными словами, «смысл» – это синоним *авторского замысла*, с которым был написан данный текст.

Поэтому в процессе экзегетики толкователь должен постоянно задавать один важный вопрос: «*Что автор хотел сказать этими словами?*» Поскольку автор преследовал какую-то цель в отношении своих читателей, следовательно, данной структурой текста он хотел оказать на них определенное влияние. Поэтому еще один полезный вопрос звучит так: «*Что должны были понять из сказанного первые читатели?*»

Литературный критик Э. Хирш (E. D. Hirsch) очень точно заметил важность *авторского замысла* при поиске смысла. Он пишет:

Когда критики умышленно изгоняют оригинального автора, они сами узурпируют его место, и это неизменно приводит к некоторым путаным современным теориям. Если раньше был только один автор, то теперь их становится много, и у каждого столько же авторитета, сколько у и другого. Изгнание оригинального автора как обладающего решающим словом в определении смысла текста было отказом от единственного убедительного принципа, способного дать законную оценку толкованию... Ибо, если смысл текста не определяется автором, тогда никакое толкование не может отражать *единственного* смысла текста, поскольку в таком случае у текста не может быть никакого определенного или определяемого смысла (*Validity in Interpretation*, 5-6).

Следовательно, смысл = авторский замысел. Без авторского замысла не может быть никакого смысла. Набор несвязанных между собой слов, произвольно разбросанных на странице *без всякого замысла*, не даст никакого смысла, это лишь случайный набор знаков.

С. Количество авторских замыслов – один

Поскольку смысл текста определяется тем, что хотел сказать автор (*а не* тем, что толкователю *хотелось бы* в нем увидеть, или что текст *мог бы* означать независимо от замысла автора), один и тот же текст может иметь лишь *одно* значение – вложенное автором. Таким образом, принцип *авторского замысла* приводит нас к принципу *единозначности*. Иначе говоря, смысл библейского текста *не изменяется* в зависимости от толкователя, культуры или времени. Он постоянен, объективен, неизменен, навеки фиксирован на страницах Священного Писания, независимо от того, поняли его читатели или нет. Следовательно, любые теории о «многозначности» или о «тайном смысле» текста Писания, неизвестном автору, должны быть отвергнуты.

D. Результат одного замысла – объективность

Если авторский замысел отвергается, и автор изгоняется из текста – чего первым делом желают постмодернисты, – тогда разрушается критерий оценки правильности толкования. Субъективность и *нигилизм* (отвержение истины, смысла и авторитета) замещают объективность. Тогда нет никакого основания называть одно толкование «экзегезой», а другое «эйзегезой», а читатель оказывается захваченным «бурным потоком неопределенности и догадок» (Milton Terry, *Biblical Hermeneutics*, 205) – чего также очень желают постмодернисты!

Но с другой стороны, когда авторский замысел считается единственным критерием смысла, тогда у текста есть только один смысл, и, таким образом, появляется *объективный критерий* оценки толкования. Следовательно, любой серьезный толкователь Божьего Слова должен всю свою жизнь стремиться к *объективности*, которая определяется самой Библией. Он должен отказаться от попыток найти в тексте *желаемое*, сосредоточиться на поиске авторского замысла и полностью подчинить себя этому замыслу. Свои доктринальные убеждения, богословскую систему и личные предпочтения он должен подчинить авторам Священного Писания и их замыслу, выраженному в текстах. Изменить этот порядок на противоположный – значит сделать читателя *авторитетным*.

E. Объективный смысл и переменная значимость

Хотя многие сегодня посчитали бы эти два слова синонимами, все же их нельзя использовать взаимозаменяемо. В то время как *смысл* у текста только один, неизменен и объективен, его *значимость* неистощима, изменчива и субъективна. Эти два слова говорят о совершенно разных вещах. *Значимость* – это отношение неизменного *смысла* текста к его читателям, которые все находятся в разных обстоятельствах.

Более удачный синоним для слова «значимость» – это термин «применение», о котором пойдет речь ниже.

III. «Толкование»

Поскольку смысл текста определяется авторским замыслом, толкование должно быть направлено на обнаружение того, «что Бог сказал в Священном Писании», на «определение смысла Божьего Слова» (Ramm, *Protestant Biblical Interpretation*, 2). Иными словами, толкование – это *процесс*, выполняемый исследователем для *воссоздания* авторского замысла. Толкование – это процесс, посредством которого мы ищем смысл.

Следовательно, толкование будет правильным только тогда, когда исследователь Писания способен, насколько это возможно, согласовать свое понимание текста с

пониманием автора, когда тот записывал слова в исследуемый текст.

IV. «Экзегетика»

Термин «экзегетика» близко связан с толкованием. «Экзегетика» означает **применение правильных принципов** герменевтики в процессе толкования текста Священного Писания с целью раскрыть смысл текста, вложенный в него автором.

A. И наука, и искусство

Поскольку экзегетика – это *применение* принципов герменевтики, то, безусловно, результат экзегетики будет зависеть от того, какие принципы применяются, и от того, насколько это делается последовательно. Экзегеза толкователя будет настолько же хороша, насколько хороши принципы, лежащие в ее основе. Вот почему разные исследователи Писания могут обратиться к одному тексту, приложить одинаковые усилия и прийти к разным заключениям. Проблема заключается не в самом тексте, а в разных принципах, которые применяют исследователи, и в том, насколько последовательно их применяют.

В этом смысле экзегетика – одновременно и *наука*, и *искусство*:

1. Это *наука*, потому что требует применения объективных принципов, которые надо установить и определить.
2. Это *искусство*, потому что включает в себя умелое применение этих герменевтических принципов. Даже обладая правильными принципами, толкователь может применять их неправильно или непоследовательно.

B. «Экзегетика» и «эйзегетика»

Слово «экзегетика» происходит от греческого слова ἐξήγησις, происходящего от глагола ἐξηγεῖσθαι, который буквально означает «выводить» или «показывать путь». Этот глагол использован в описании того, что Бог вывел Израиль из Египта (Деян. 7:36, 40; 13:17; Евр. 8:9). Таким образом, «экзегетика» означает «выводить смысл из текста».

Экзегетику следует отличать «эйзегетика» (εἰσήγησις), что происходит от греческого глагола, означающего «вводить». Толкователь занимается эйзегетикой, когда вводит в текст чуждый ему смысл, не подразумеваемый автором. Толкователь испытывает сильное искушение подвергнуть текст эйзегетике, когда текст утверждает нечто противоречащее мнению толкователя, или когда толкователь ищет текст, который подтверждал бы какое-либо его убеждение.

Эйзегетика – явление, свойственное не только лжеучителям и незрелым христианам. Даже здоровые учителя Библии могут «вводить» в текст идеи, которые сами по себе являются истинными, но не подразумеваются автором данного стиха. В таких случаях, толкователи «извлекают» *правильное учение не*

из того текста!

Пример:

С. Приоритет оригинальных языков

Экзегетика, строго говоря, имеет дело с оригинальными языками Писания: *еврейским* и *арамейским* при изучении Ветхого Завета и *греческим* при изучении Нового. Исследователь Священного Писания должен приложить все возможные силы, чтобы стать достаточно компетентным в этих языках. Без достаточного знания оригинальных языков толкователю придется довольствоваться зависимостью от переводов Библии и комментариев.

Если толкователь вынужден полагаться только на перевод, он должен с осторожностью подходить к выбору правильных переводов. Для серьезного изучения Библии необходимы буквальные переводы. При буквальном подходе к переводу библейского текста переводчики стремились насколько возможно сохранить порядок слов, стиль и структуру оригинального текста. При этом парафразов (свободные переводы) следует избегать из-за свободного переложения текста с оригинального языка на язык читателя. Если же для тщательного изучения текста Писания используются парафразы, то зачастую они вводят исследователя в заблуждение.

По поводу важности знания оригинальных языков в изучении Библии Лютер писал: «Если бы языки не сделали меня способным понимать истинное значение Слова, то я бы до сих пор оставался закованным цепью монахом, занятым тихой проповедью католических заблуждений в монастырской безвестности» (цит. по John Piper, *Brothers, We are Not Professionals* [Broadman & Holman, 2002], 86). Лютер также утверждает:

Без [библейских] языков мы не смогли бы принять Евангелия. Языки – это ножны меча Духа; они – шкатулка для хранения бесценных сокровищ древней мысли... Люди перестали обращаться к [библейским] языкам не раньше, чем христианство пришло в упадок, и именно после этого оно пало под непрекаемой властью папы. Но как только этот факел был зажжен вновь, папский филин бежал прочь в благоприятный для него мрак... В прошедшие времена отцы часто ошибались из-за незнания [библейских] языков, и в наши дни есть те, кто... не считают [библейские] языки сколько-нибудь полезными. Но хотя их учение правильно, они часто ошибаются в истинном значении священного текста. Они безоружны перед лицом заблуждений, и я боюсь, что их вера не останется чистой» (цит. по Piper, *Brothers, We are not Professionals*, 87).

V. «Применение»

После того, как толкователь изучил текст, правильно применив принципы герменевтики в процессе толкования, и пришел к заключению о смысле текста, теперь он должен *соотнести* смысл сказанного в тексте с обстоятельствами его

собственной жизни и жизни других людей. Это и будет «применением», *установлением взаимосвязи смысла текста с жизнью читателя*, воплощением в жизнь фактов, обнаруженных с помощью экзегетики.

А. Экзегетика отделена от применения

«Применение» не является частью экзегетического процесса, оно идет после его завершения. Если игнорировать это различие, можно совершить серьезные экзегетические ошибки. В таких случаях, экзегетика становится по своей сути *субъективной*, так как толкователь пренебрегает авторским замыслом и вместо него ищет то, что относится к нему лично. *Результаты* экзегетики стали смешиваться с самой экзегетикой, и эти *результаты* становятся новыми экзегетическими правилами (см. D. A. Carson, "Hermeneutics: A Brief Assessment," 19).

В. Применение неотделимо от экзегетики

Легко заметить, что «применение» не *объективно*, а *субъективно*, имея неисчерпаемое количество вариантов. Фактически, разграничивая «смысл» и «применение», важно помнить один важный принцип, что хотя у текста Писания есть только *один смысл*, из этого смысла можно вывести *много применений* к повседневной жизни.

ВАЖНАЯ АКСИОМА:

У каждого текста Писания есть только *один смысл*, но у этого смысла может быть *множество применений* в жизни.

Хотя применение не является частью толковательного процесса, все же оно неразрывно связано с ним. Поэтому экзегетика должна руководить применением. Другими словами, практические выводы из данного отрывка должны быть согласованы и прочно связаны с результатами экзегетического исследования.

К сожалению, хотя многие толкователи приходят к правильным экзегетическим выводам, предлагаемое ими применение оставляет желать много лучшего, так как библейские истины они почему-то относят к ситуациям, Библией не предусмотренным. А это приводит к своеобразному легализму – когда проповедник, опираясь на власть Писания, навязывает то или иное требование, которое самими библейскими авторами не было предусмотрено.

В конечном счете, поскольку применение в итоге зависит от результатов толкования, то очевидно, что если в процессе толкования используются неверные принципы, то и применение результатов такого толкования тоже будет ошибочным.

VI. «Экспозиция»

Вебстерский универсальный студенческий словарь (Webster's Universal College Dictionary, 1997. С. 282) дает такое определение слову «экспозиция»: объяснение, подробное изложение, описание. Экспозиция Писания, таким образом, – это **детальное разъяснение смысла текста Писания с учетом его контекста.**

Экспозиционная проповедь, соответственно, – это проповедь, которая сосредоточена на последовательном объяснении смысла *одного* раздела Писания. В ней глубоко, пронизательно и с чувством излагаются результаты экзегетических исследований проповедника. Поэтому экспозиционную проповедь следует отличать от *тематической*, в которой несколько отрывков Писания объединяются между собой (иногда достаточно произвольно) некой общей темой. А также ее следует отличать от *гомилии* (свободной проповеди, или проповеди-беседы), в которой отрывок Священного Писания становится своеобразным трамплином к обсуждению той или иной доктрины.

Д-р Ричард Мейхью в книге «Возвращение к разъяснительной проповеди» («Библия для всех, СПб., 2001. С. 21) перечислил следующие характеристики экспозиционной проповеди:

1. Проповедь основывается исключительно на Священном Писании.
2. Проповедь извлекается из Библии в результате тщательной экзегезы.
3. При подготовке проповеди Писание правильно истолковывается в его обычном значении и контексте.
4. Проповедь ясно объясняет оригинальное значение Писания, соответствующее замыслу Бога.
5. Проповедь применяет сказанное в Писании к современности.

Таким образом, экспозиционная проповедь хороша ровно настолько, насколько хороша подкрепляющая ее экзегеза. Если при толковании Библии используются ошибочные герменевтические принципы, то и экспозиция Писания будет полна ошибочных, ложных выводов. Кто хочет стать хорошим проповедником, тот должен больше уделять внимания герменевтике.

Уолтер Кайзер-мл. в книге «На пути к экзегетическому богословию» («Библия для всех», СПб., 2008. С. 43) пишет о целях толкователя: «Единственная задача толкователя состоит в том, чтобы насколько возможно ясно объяснить, что имел в виду автор, когда писал изучаемый текст. Толкователь должен *представлять текст*, а не собственные предубеждения, ощущения, суждения и интересы. Предаваться последнему – значит заниматься *эйзегезой*, «привнесением в» текст того, что читатель желает в нем видеть».